

ЛЕТО с БОДЛЕРОМ

Антуан Компаньон

Антуан Компаньон
Лето с Бодлером

«Ад Маргинем Пресс»

2015

УДК 821.133.1.09(092)Бодлер Ш.
ББК 83.3(4Фра)52-8Бодлер Ш.

Компаньон А.

Лето с Бодлером / А. Компаньон — «Ад Маргинем Пресс», 2015

ISBN 978-5-91103-635-5

Стихи Шарля Бодлера (1821-1867), объединенные в сборник Цветы зла, бросили вызов литературе и читательской аудитории своего времени бескомпромиссным индивидуализмом, острым вниманием к «сору» городской повседневности и хаосу душевных импульсов, попирающих всякие нормы. Поэт, всячески добивавшийся официального признания и вовсе не стремившийся прослыть революционером, волею истории стал изобретателем модернизма, автором самой концепции современности, которая легла в основу мировоззрения и культуры XX века. Историк литературы Антуан Компаньон (род. 1950) попробовал запечатлеть калейдоскопическую вселенную личности и поэтического воображения Бодлера в серии «моментальных снимков» с разных сторон. Главки этой книги, первоначально представленные в виде коротких выступлений на радио France Inter, показывают «поэта современной жизни» как денди, социалиста, католика, ценителя живописи и фотографии, застигают его в компании друзей, врагов, выдающихся современников и любовниц, а также, разумеется, перед зеркалом и листом бумаги. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1.09(092)Бодлер Ш.
ББК 83.3(4Фра)52-8Бодлер Ш.

ISBN 978-5-91103-635-5

© Компаньон А., 2015

© Ад Маргинем Пресс, 2015

Содержание

Вчера скончалось лето...	7
1	10
2	12
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антуан Компаньон

Лето с Бодлером

© Editions Des Équateurs / France Inter 2015

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

Вчера скончалось лето...

«Лето с Бодлером? Какая нелепость!» – непременно подумают многие ценители *Цветов зла*. И впрямь, лето не было любимым временем года нашего поэта.

Кто же воспевал лето?

**Вот Полдень, летний царь, простерся по долине,
с небесной синевы спадая серебром.¹**

Эти стихи написал родившийся на острове Бурбон² посреди Индийского океана Леконт де Лиль, а вовсе не дитя Парижа Бодлер, который появился на свет в доме на тесной улочке Отфёй.

Бодлер был поэтом сумерек и теней, сожалений и осени. *Осенняя песня*, которую положил на музыку Габриэль Форе и часто упоминал Пруст, остается одним из самых известных стихотворений *Цветов зла*:

**И вновь промозглый мрак овладевает нами, —
Где летней ясности живая синева?
Как мерзлая земля о гроб в могильной яме,
С подводы падая, стучат уже дрова.³**

Поздней осенью приходит время воспоминаний и воображения, сплина и меланхолии – свойств и чувств, неотделимых от нашего восприятия Бодлера:

**И в странном полусне я чувствую, что где-то
Сколачивают гроб – но где же? но кому?
Мы завтра зиму ждем, вчера скончалось лето,
И этот мерный стук – отходная ему.
Люблю зеленый блеск в глазах с разрезом длинным,
В твоих глазах – но всё сегодня горько мне.
И что твоя любовь, твой будуар с камином
В сравнении с лучом, скользнувшим по волне.⁴**

Здесь слышна будто вечная ностальгия по солнцу над морем, по южному летнему солнцу. Что может быть мимолетней погожего летнего дня? В других текстах поэта мы повсюду видим закатное солнце – символ упадка, о котором Бодлер неустанно твердил, – сумерки или полумглу на исходе дня, и чаще вечерний полумрак, чем предрассветный:

**Будь матерью, сестрой, будь ласковой минутой
Роскошной осени иль гаснущего дня.⁵**

---

¹ Леконт де Лиль Ш. Полдень / пер. И. Поступальского // Леконт де Лиль Ш. Античные стихотворения. М.: Водолей, 2016. С. 247–248. – Здесь и далее – примечания переводчика. (все переводы цитат, не снабженные ссылками, – мои, выполненные специально для настоящего издания. – Е. Б.).

² В настоящее время остров Реюньон.

³ Бодлер Ш. Осенняя песня / пер. В. Левика // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 357–358.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Любимая женщина связана с угасанием дня и с осенью; а вот и другие времена года, милые сердцу поэта:

**Вёсны, осени, зимы, и грязь, и хандра,
Усыпительно скучные дни, вечера, —
Я люблю, когда мгла наползает сырая,
Влажным саваном сердце и мозг обнимая.⁶**

Так что говорить о Бодлере летом – затея более дикая, чем вспоминать летом Монтеня или Пруста. Бодлер познакомился с солнцем, когда его отчим, в расчете приструнить двадцатилетнего поэта, отослал его в плавание по южным морям, но тот повернул обратно у острова Бурбон, вскоре очутился на севере острова Сен-Луи и впредь никогда не покидал Парижа, не считая немногих кратких отлучек в Онфлёр и своего последнего рокового бегства в Брюссель.

Куда уместнее беседовать о Бодлере осенью, в мертвый сезон, когда день убывает, а кошки жмутся к очагу. Но нашу затею осложняли еще кое-какие обстоятельства.

Прежде всего, *Лето с Монтенем* снискало неожиданный успех, сначала на радио, затем и в книжных магазинах, сначала у слушателей France Inter, затем и у читателей книги, сделанной по летним передачам 2012 года, получившим широкую поддержку. Итак, планка была пугающе высока. И когда я два года спустя по просьбе Филиппа Валя и Лоранс Блок взял в руки микрофон, мне предстояло пускай не достичь большего, но как минимум не слишком снизить уровень, не слишком разочаровать слушателей.

К тому же разговор о Бодлере и сам по себе намного рискованней беседы о Монтене. Мы любим автора *Опытов* за его ясность, сдержанность и скромность, за доброжелательность и великодушие. Он наш друг и брат «потому, что это был он, и потому, что это был я»⁷, он автор единственной великой книги, которую мы кладем в изголовье кровати и перечитываем на сон грядущий страницу-другую, дабы жилось нам легче, мудрее и гуманней. Тогда как автор *Цветов зла*, а тем паче *Парижского сплина* – человек ранимый и желчный, он жестокий бретер, гениальный безумец и подстрекатель бессонницы.

И творчество его неоднородно и разрозненно: это стихи, стихотворения в прозе, художественная и литературная критика, личные дневники, сатира и памфлеты. Суд Второй империи вынес ему суровый приговор⁸. Современники Бодлера сообщают нам множество анекдотов о его эксцентричных поступках. Хотя к концу его жизни и возникла некая «школа Бодлера», что весьма его раздражало, должно было пройти немалое время, прежде чем его творчество начали преподавать в средней школе; но некоторые стихи и стихотворения в прозе поэта не на шутку шокируют и сегодняшних лицеистов. Во многих отношениях Бодлер наш современник, однако иные его суждения – например, о демократии, о женщинах, о смертной казни – нам неприятны и возмущают нас.

И наконец, непринужденная манера как нельзя лучше годилась для разговора о Монтене. Я решился приступить и к Бодлеру в том же духе, «прыжками и курбетами»⁹, не забывая рассказать всё, но стараясь если не заставить полюбить того, кто нас о том не просит, то хотя

---

⁶ Бодлер Ш. Туманы и дожди / пер. В. Левика // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 169.

⁷ Широко известные слова Монтеня, адресованные другу, писателю и гуманисту Этьену де Ла Боэси (в песне популярного шансонье Мишеля Сарду они звучат рефреном: «Parce que c'était lui; parce que c'était moi»). – Монтень М. Опыты (I. XXVIII) / пер. А. Бобовича. М.: Рипол Классик, 1997. С. 234.

⁸ Сборник *Цветы зла*, опубликованный в 1857 году, «послужил предметом судебного разбирательства, в результате которого нераспроданная часть тиража была арестована, шесть стихотворений запрещены, а поэт и издатель приговорены к штрафу». – Г. Мосешвили. Предисловие // Бодлер Ш. Стихотворения и проза. М.: Рипол Классик, 1997. С. 10.

⁹ Ср.: «Я люблю бег поэзии, изобилующий прыжками и всякого рода курбетами». – Монтень М. Опыты (III. IX) / пер. А. Бобовича. М.: Рипол Классик, 1997. С. 272.

бы направить возможно больше слушателей в библиотеку, чтобы они отыскиали там *Цветы зла* и *Парижский сплин*.

1

Госпожа Опик

Запомнил я навек неброский и простой,
Наш выбеленный дом за городской чертой,
Где в редкой рощице соседствовал с Помоной
Потрескавшийся гипс Венеры обнаженной,
Где солнце, к вечеру пылая горячей,
В окне за стеклами дробило сноп лучей,
И мне казалось, что всевидящее око
На долгий наш обед из своего далёка
Взирает пристально, а блики наугад
По занавескам и по скатерти скользят.¹⁰

Зачем бы нам начинать разговор с этого маленького безымянного стихотворения из *Цветов зла*, о котором почти не вспоминают? А затем, что сам Бодлер был к нему очень привязан; в сборнике оно из числа самых личных, душевных. Вскоре после публикации книги в 1857 году Бодлер сетовал в письме матери, госпоже Опик, что она не заметила стихотворения о себе. Оно осталось без названия и без явных аллюзий, поскольку Бодлеру «невыносимо торговать сокровенными семейными подробностями»; оно описывает редкие минуты счастья, пережитые поэтом в детстве, в промежутке между смертью отца и вторым замужеством матери. Тогда мать принадлежала только ему.

Родители были необычной парой. В 1821 году, когда родился Шарль, они лишь недавно поженились, при этом матери было двадцать восемь лет, а отцу уже шестьдесят два. Франсуа Бодлер принадлежал восемнадцатому веку; в прошлом священник, затем художник-любитель, он умер, когда маленькому Шарлю не было и шести. Не прошло и двух лет, как мать вышла замуж повторно – за майора Опики, и Бодлер, видимо, так никогда и не узнал, что она вскоре родила дочь, которая умерла во младенчестве.

Блаженная душевная близость с матерью длилась лишь два лета, 1827 и 1828 года, и в другом письме к госпоже Опик (1861) он называет ту эпоху «добрым временем материнской нежности»¹¹. Сын жил с матерью в Нёйи, в «неброском и простом» доме, как сказано в стихотворении. Поэт вспоминает – и всегда будет вспоминать – о долгих обедах, на которые взирает «всевидящее око» солнца, а «блики наугад по занавескам и по скатерти скользят».

Вот оно, навсегда утраченное прекрасное лето детства. Изведать подобное блаженство Бодлеру больше не доведется. Вскоре он вслед за матерью и отчимом отправится в лионский гарнизон, потом его поместят интерном в коллеж Людовика Великого, и отношения поэта с полковником – а затем и генералом – Опиком будут, мягко говоря, непростыми. Это сообщничество в Нёйи останется кладом, зарытым в поэтических глубинах его памяти, и о воссоединении с матерью он будет мечтать до конца своих дней.

Вскоре после смерти генерала Опики в 1857 году – за несколько месяцев до публикации *Цветов зла* – его вдова перебралась в Онфлёр и поселилась в другом домике, который Бодлер называл «игрушечным». И поэт станет твердить о стремлении вернуться к матери, вырваться из парижского ада и вкусить подле нее покоя. В конце концов ему это удастся, и в 1859 году

---

¹⁰ Бодлер Ш. «Запомнил я навек неброский и простой...» / пер. М. Яснова // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Текст, 2022. С. 120.

¹¹ Бодлер Ш. Письмо от 6 мая 1861 г. / пер. под ред. С. Фокина // Бодлер Ш. Избранные письма. СПб.: Machina, 2011. С. 183.

он проведет в Онфлёре несколько месяцев. Они станут последним светлым периодом его поэтического творчества.

Душераздирающая переписка с матерью будет опубликована в начале XX века и изменит представление о Бодлере. Их отношения были пронизаны вечными упреками, извинениями, оправданиями и сожалениями. В феврале 1866 года Бодлер упал в церкви Сен-Лу в Намюре; здоровье его стремительно ухудшалось, и в марте госпожа Опик приехала в Брюссель, чтобы ухаживать за больным сыном, но он ее бранил – «черт подери», больше он уже ничего выговорить не мог, – и довольно скоро она вернулась в Онфлёр.

И если она не поняла, что строки маленького безымянного стихотворения обращены к ней, то первое стихотворение *Цветов зла – Благословение* – она не могла не заметить. Рождение поэта, всякого поэта, представлено в нем как проклятие миру, но прежде всего матери, которая дала ему жизнь:

**Когда вельнем сил, создавших всё земное,
Поэт явился в мир, унылый мир тоски,
Испуганная мать, кляня дитя родное,
На Бога в ярости воздела кулаки.
Такое чудище кормить! О, правый Боже,
Я лучше сотню змей родить бы предпочла,
Будь трижды проклято восторгов кратких ложе,
Где искупленье скверн во тьме я зачала!**¹²

Размолвки и недопонимание Бодлера с матерью не прекращались до самого конца.

---

¹² Бодлер Ш. Благословение / пер. В. Левики // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 298.

2

Реалист

**Вы помните ли то, что видели мы летом?
Мой ангел, помните ли вы
Ту лошадь дохлую под ярким белым светом,
Среди рыжеющей травы?
Полуистлевшая, она, раскинув ноги,
Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной.¹³**

Во время процесса над *Цветами зла* в 1857 году заместитель императорского прокурора Эрнест Пинар обвинил Бодлера в реализме: «Его принцип, его теория состоит в том, чтобы изображать и обнажать всё. Он перероет всю человеческую природу, и дабы живописать ее, залезет во все ее сокровенные уголки; он возьмет самые сильные и захватывающие тона и даже преувеличит ее особо уродливую сторону; он ее усилит сверх меры, дабы произвести впечатление, воссоздать ощущение». Слово «реализм» произнесено не было, но оно будет фигурировать в заключительном постановлении суда, объявившего о запрете шести стихотворений, которые «неизбежно ведут к возбуждению чувств грубым и оскорбительным для целомудрия реализмом».

Итак, Бодлер обвинялся в отображении действительности; то есть он был реалистом – этим словечком заклеили вперемешку и картины Курбе, и роман Флобера, и поэзию Бодлера. Правда, Бодлер после государственного переворота 2 декабря 1851 года от реалистов отошел, хотя по-прежнему числился среди них; его портрет 1847 года кисти Курбе (музей Фабра в Монпелье) виден и в углу полотна 1855 года *Мастерская художника* (музей Орсе). Зародившись в богемных кругах, реализм «противостоял классицизму», утверждал Пинар, иными словами – был врагом установленного порядка: это новшество не только попирало эстетические нормы, но и подрывало устои буржуазного общества.

Незадолго до суда над *Цветами зла* в безнравственности был обвинен роман *Госпожа Бовари*. Произведение, лишенное морального предостережения, реалистично; его автор изображает действительность, не беря на себя роль судьи и обвинителя. Флобер был оправдан, поскольку за ним стояла его добропорядочная буржуазная семья. С Бодлером вышло иначе: его адвокат не решился даже упомянуть, что отчим поэта, недавно умерший генерал Опик, занимал в годы империи видные должности посла и сенатора, а до того в 1848 году был начальником Политехнической школы.

Итак, были осуждены стихотворения из *Цветов зла*, признанные реалистическими, и в особенности те, что затрагивали любовные отношения между женщинами. Причиной наибольшего скандала был Лесбос, но и извращенный, склонный к садизму Эрос – каким он предстает в *Слишком веселой*: строки «Твоими новыми устами / Завороженный, как мечтами, / В них яд извергну мой, сестра!»¹⁴ – были возмутительны.

---

¹³ Бодлер Ш. Падалъ / пер. В. Левика // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 51.

¹⁴ Бодлер Ш. Слишком веселой / пер. В. Микушевича // Бодлер Ш. Стихотворения и проза. М.: Рипол Классик, 1997. С. 142–143.

Но и другая сторона бодлеровского реализма шокировала первых благонамеренных читателей не меньше – та, что открывается в стихотворении *Падалъ*, которое долгое время оставалось знаковым для многих читателей *Цветов зла*:

**И солнце эту гниль палило с небосвода,
Чтобы останки сжечь дотла,
Чтоб слитое в одном великая Природа
Разъединенным приняла.
И в небо щерились уже куски скелета,
Большим подобные цветам.
От смрада на лугу, в душистом зное лета,
Едва не стало дурно вам.¹⁵**

Имея в виду подобные строки, Сент-Бёв упрекал Бодлера в «петраркизации ужасного»; долгое время на переменах тайком от учителя школяры читали их друг дружке наизусть, а Бодлер и не помышлял об изучении своих стихов в школе.

Между тем, разоблачая или восхваляя реализм *Падали* – живописи, которая всматривается в природу не восхитительно-прекрасную, а разложившуюся и потворствующую разложению – недурно было бы вспомнить о традиции жанра «суета сует», *memento mori* – «Помни, что ты смертен» – в барочной поэзии, уже противостоящей классической эстетике. *Цветы зла* казались проявлением болезненного реализма, но, в сущности, они восходили к французской поэтической традиции XVI и XVII веков.

---

¹⁵ Бодлер Ш. Падалъ / пер. В. Левика // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 51.

3

Классик

**Под лаской тусклых ламп, с дурманом сладким слитой
На мягкие припав подушки головой,
О негах огненных мечтала Ипполита,
Срывающих покров невинности молодой.
Глазами, бурей смущенными, искала
Она невинности далекий небосвод,
Как ищет вдалеке пловец, от волн усталый,
Лазури утренних, уж недоступных вод.**¹⁶

Пруст часто сравнивает Бодлера с Расином; например, в столетний юбилей поэта (1921), в статье *О Бодлере*, опубликованной в *La Nouvelle Revue française*, он пишет: «Что может быть более бодлерианским, чем *Федра*, и что может быть достойней Расина и даже Малерба, чем *Цветы зла*?» В 1921 году вокруг Бодлера – великого проклятого поэта, понемногу вытеснявшего Гюго с олимпа французской поэзии, – наконец установилось согласие. Сравнение с Расином стало искупительным клише, но и в 1905 году, когда имя Бодлера еще отзывалось скандалом, Пруст утверждал: «Вы называете его декадентом? Что за глупость! Он даже не романтик. Он пишет как Расин. Могу привести вам двадцать цитат».

Долгое время Бодлера считали декадентом – вслед за Теофилом Готье, который выдвинул эту идею в предисловии к посмертному изданию *Цветов зла* в 1868 году, а затем она была поддержана и публикацией в 1887 году автобиографических фрагментов, *Фейерверков* и *Моего обнаженного сердца*; но публикация в 1918 году писем Бодлера к матери сделала его образ менее загадочным и более трагическим. Пруст добавлял, отмечая, что два вновь открывшихся лика Бодлера достаточно близки друг другу: «К тому же он христианский поэт, а потому и как Боссюэ, и как Масийон, он без конца твердит о грехе. Положим, что как всякий христианин, которому к тому же присуща истеричность, <...> он познал садизм богохульства». Удивительная формула, вобравшая все эпитеты, какие Бодлеру довелось слышать по своему адресу (с 1864 года его называли «истеричным Буало»).

Бодлер классик: Пруст повторяет слова Анатоля Франса. Франс в 1889 году пришел на помощь поэту, которого консервативный критик Фердинанд Брюнетьер осудил после публикации *Фейерверков* и *Моего обнаженного сердца*, сочтя эти тексты омерзительными. Признавая, что Бодлер был «весьма извращен и безнравствен», что он «культивировал в себе некий сатанинский дендизм, который сегодня нам кажется отвратительным», Франс отдавал должное его классицизму и уже цитировал третью строфу *Проклятых женщин*, в 1857 году осужденных:

**Ее потухший взор, в слезах от страстной муки,
Оцепенелый вид и бледные черты,
Бессильные в борьбе, раскинутые руки,
Убором было всё для томной красоты.**¹⁷

---

¹⁶ Бодлер Ш. Обреченные женщины / пер. А. Ламбле // Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Водолей, 2012. С.175.

¹⁷ Там же.

Франс говорил об этих стихах: «Что <...> во всей современной поэзии сыщется прекрасней этой строфы, законченной картины сладострастной пресыщенности? <...> Что может быть прекрасней даже у Альфреда де Виньи, чем это полное благочестия проклятье, которое поэт бросает „окаянным женщинам“?»

Бодлерианская легенда была полностью опрокинута, поскольку именно в стихах, до сих пор осуждаемых за их реалистический и декадентский эротизм, Анатоль Франс увидел высоты классицизма: «И заметьте, кстати, как эти стихи Бодлера близки к классицизму, сколько в них традиционности и цельности».

Очень скоро в защиту Бодлера стали подчеркивать классицизм *Цветов зла*, их гармоническую, музыкальную, безупречную версификацию, таким образом оправдывая его «лучшие вещи», самые мелодичные стихотворения, основанные на воспоминаниях: *Соответствия*, *Флакон*, *Волосы*, *Экзотический аромат*. Однако Рембо с 1871 года критиковал этот классицизм как серьезное ограничение: «Его хваленая форма сужает возможности: поиск неизвестного требует новых форм».

Классик, по словам Ролана Барта, это автор, которого проходят в классе. Когда Бодлер вошел в школьную программу и творчество поэта стало служить материалом для аналитического чтения, учителя начали анализировать самые классические – в смысле Анатоля Франса и Пруста – из его стихотворений, такие как *Красота*, совершенный шедевр формы и технической виртуозности, или *Гармония вечера*, *Балкон*, *Приглашение к путешествию*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.